

Ю.В. Чудодеев

ИВ РАН

**Российско-китайское стратегическое партнерство
на современном этапе:
проблемы и перспективы**

В данном сообщении мы обратимся к ряду проблем, существующих во взаимоотношениях РФ и КНР в начале XXI в., которые стали предметом обсуждения с китайскими политологами во время научной командировки автора в Китай, в Академию общественных наук, в октябре 2007 г.

Прежде всего хотелось бы напомнить, что слова о решимости развивать «отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке», появились не вчера, а 10 лет назад, в совместной Российско-китайской декларации (подписанной еще в ходе визита Б. Ельцина в КНР). Аналогичная формулировка появилась и в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, подписанном в 2001 г. За последние годы в ходе встреч В. Путина и Председателя КНР Ху Цзиньтао она неоднократно повторялась. Несмотря на размытость и неопределенность самого понятия партнерства, эта идея, пусть детально не расшифрованная, оказалась весьма продуктивной. Время и общность интересов двух государств наполнили ее конкретным содержанием.

Иногда в нашей, да и китайской пропаганде нынешний период называют чуть ли не лучшим во всей истории взаимоотношений России и Китая. При этом иногда забывают или сознательно не упоминают о том, что в истории были периоды, когда отношения наших стран оказывались достаточно продвинутыми по линии партнерства и взаимодействия. Так, в период Второй мировой войны Россия и Китай были не просто партнерами, но союзниками, первые годы существования КНР также были временем дружеских и союзных отношений между нашими народами.

Естественна постановка вопроса – что такое стратегическое партнерство для России и для Китая сегодня и в чем заинтересованность наших стран в таком уровне взаимодействия?

В настоящее время парадигма наших взаимоотношений определяется качественными сдвигами в развитии международной ситуации и вызовами времени. На смену противоборству двух систем пришли противоречия между развитым «центром» и развивающейся «периферией» (Восток–Запад,

© Чудодеев Ю.В., 2008

Север–Юг), ожесточилась борьба между объективными тенденциями к экономической интеграции и субъективными сепаратистскими устремлениями.

В основе партнерства России и Китая на современном этапе лежат их глобально-региональные интересы. Вызовом для обеих стран являются гегемонистские устремления США к диктату в делах мировой политики и экономики. В настоящее время бурно развивающийся Китай позиционирует себя как сила, набирающая глобальную значимость. Он ищет равноправного сотрудничества с мировым сообществом в поддержании глобальной и региональной стабильности. Но экономическое развитие Китая на основе интеграции в мировую экономику вызывает ответные и не всегда благоприятные для Китая реакции со стороны мировых рыночно-демократических лидеров (США, ЕС, Японии). Пока сохраняется монополия КПК на политическую власть, Китай останется для них «чужим» в политике. Но такая реакция, в свою очередь, требует ответных действий Китая, с тем чтобы сохранить выгодную ему внешнюю среду развития. В этом плане стратегическое партнерство с Россией помогает Китаю обеспечивать свое развитие в региональном и глобальном масштабах и противодействовать вызовам Запада мировому позиционированию Китая.

После распада СССР Россия пытается компенсировать свою экономическую и финансовую слабость за счет активного выхода на мировые и региональные рынки энергоресурсов и за счет поддержания своего имиджа как второй в мире ракетно-ядерной державы. Она позиционирует себя как глобальная держава, заявляющая о своем праве иметь собственное слово в вопросах построения новой мировой архитектуры и собственную зону интересов. В этом плане слабым звеном российской геополитики был Азиатско-Тихоокеанский регион, ставший важнейшей составляющей всего мирового сообщества, но в котором Россия, к сожалению, пока занимала маргинальные позиции. В результате возросшего значения экономических факторов сложившаяся после распада СССР ситуация характеризовалась для России крайне низким уровнем ее экономического, а наряду с этим и политического присутствия в АТР.

В свою очередь, изменения, связанные с крушением биполярного мира и возросшей значимостью отношений на региональном уровне, обусловили необходимость для России найти новое место в АТР и активизировать азиатский вектор своей внешней политики.

Прорыв в азиатско-тихоокеанском направлении для России связан прежде всего с перспективами ее долгосрочного сотрудничества с КНР. Российско-китайские отношения, выросшие в настоящее время до уровня стратегического партнерства, стали одним из базовых факторов, определяющих уровень безопасности и стабильности в АТР.

Китай в течение многих лет боролся за ослабление военно-политического влияния СССР в регионе. Тот факт, что Россия изменила свой статус военно-политической сверхдержавы на статус экономического партнера, благоприятен для Китая. Огромное значение для наших отношений с КНР имеет окончательное решение пограничной проблемы (наиболее болезненного вопроса, унаследованного от прошлого) и ликвидация вооруженного противостояния на границе. Китай чрезвычайно заинтересован в том, чтобы ни одна страна не обладала военной или экономической монополией в

регионе – такое положение помогает компенсировать относительную отсталость Китая, создавать противовесы роли Японии и повышать уровень стабильности в регионе.

Стабильность и добрые отношения между Россией и Китаем слишком важны для обеих стран (у России, как и у Китая, существует проблема активизации экономического развития, для чего нужна стабильная внутренняя и внешняя обстановка), и потому стороны не могут быть заложниками противоречий, разрастание и активное проявление которых, по мнению аналитиков (в том числе и китайских), вряд ли возможно между странами в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Важной основой для сотрудничества России и Китая является совпадение их национальных интересов, весьма близкие позиции по ряду международных вопросов, связанных с разоружением, нераспространением ядерного оружия, безъядерными зонами, ролью ООН, ролью и местом отдельных стран и международных организаций в системе обеспечения безопасности АТР, в подходах к вопросам урегулирования важнейших региональных конфликтов. В частности, обе стороны разделяют позиции в отношении Японии, японо-американского договора безопасности, который стал рассматриваться в качестве потенциального источника угрозы безопасности в регионе, в отношении американо-японских планов организовать систему противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД). Обе стороны проявляют беспокойство по поводу роста панисламистских настроений, неопределенности региональных последствий в случае объединения Кореи. Поскольку сепаратистские тенденции в России могли бы способствовать созданию новой зоны напряженности вдоль северной границы Китая, китайское руководство, судя по всему, заинтересовано в стабилизации внутреннего положения в Российской Федерации.

Идеологический фактор уже не препятствует развитию российско-китайских отношений, и стороны не будут придавать ему такое важное значение, как в прошлом. Стремление обеих стран к стабильности подкрепляется высокой оценкой китайских реформ со стороны официальных лиц России и новым курсом на построение взаимовыгодного доверительного партнерства, направленного на создание стратегического взаимодействия в XXI веке.

В ходе бесед со мной китайские политологи подчеркивали, что политические лидеры и в России, и в Китае в конце концов поняли, что стратегическое партнерство отвечает коренным интересам обеих стран (правда, по мнению некоторых из них Россия поняла это позднее Китая). Образовалась, таким образом, новая модель отношений, говорили они, которая подводит итоги опыту прошлого и учитывает новую ситуацию в мире. Мои собеседники отмечали, что существует много типов стратегического партнерства (например, в 2005 г. Ху Цзиньтао выдвинул предложение о формировании стратегического партнерства нового типа между Азией и Африкой в связи с 50-летием Бандунга; Китай провозгласил стратегическое партнерство с Индией, которая признала Тибет неотъемлемой частью Китая, а Китай не оспаривает индийскую принадлежность Сиккима и т.д.). Но мне подчеркивали, что в отношениях с Россией в слово «партнерство» вкладывается идея стратегического взаимодействия. Этого, по мнению моих собеседников, у Китая нет ни с одной из других стран.

Россия сегодня – это стратегический тыл Китая. В свою очередь, Китай – стратегический тыл России. «Ваш президент Путин, – говорили мне китайские коллеги, – вопреки мнению отдельных недалёковидных российских политологов и журналистов, понимает стратегическую важность Китая для России». Более уверенное поведение России на международной арене, по их мнению, есть в какой-то степени следствие ощущения надёжного китайского тыла. Вопрос, который иногда ставят некоторые политологи – «кто кому больше нужен?» – надуманный, лишний вопрос. Обе страны нужны друг другу, чтобы обеспечивать мирное развитие на региональном и глобальном уровнях, спокойно решать внутренние проблемы и улучшать жизнь своих людей.

В ходе обсуждения проблем партнерства России и Китая встала проблема отношений в треугольнике Россия–Китай–США. Насколько здесь симметричны наши позиции? Отрицательное отношение к американскому гегемонизму и к стремлению США утвердиться в однополярном мире однозначно у обеих стран. Однако в настоящее время можно выявить и определенную несбалансированность в подходах России и Китая к глобальному и региональному противодействию США. В определенных конкретных случаях Россия, судя по всему, не может рассчитывать на Китай как на партнера, ибо он определенно вышел на собственную траекторию взаимоотношений с США. По мнению моих китайских собеседников, в России многие хотели бы, чтобы Китай основательно поспорил с Америкой. В отношениях с США у Китая присутствуют и сотрудничество, и соперничество. Торгово-экономические связи у Китая с США развиты гораздо больше, чем у России (только торговый оборот на уровне 300 млрд. долл. с огромным профицитом в пользу КНР и т.д.). Отсюда определенная сдержанность Китая в подходе к Америке. В Пекине, судя по всему, считают, что борьба против гегемонистских проявлений в американской политике, если они напрямую не затрагивают интересы КНР, не входит в число первоочередных задач. Вообще, китайцы в данном случае ведут себя расчетливо и осторожно, но и без каких-либо реверансов в сторону США.

В шанхайском центре по изучению России ряд политологов подчеркивал, что в настоящее время Китай не хочет брать дополнительные обязательства во внешней политике. Для него это было бы обузой в решении главного – острых внутренних проблем. Китай, говорили мне, не претендует на гегемонию и не хочет за счет кого-то расширять свое влияние. Ему нужно становиться сильным, чтобы утверждать свой авторитет, добиваться взаимоуважения и развития взаимовыгодных отношений. И России, и Китаю нужны трезвость в подходе друг к другу. Каждая страна имеет свою специфику, свою логику поведения, которую нужно и важно понимать. Даже горькие уроки прошлого (имелся в виду идеологический, политический и военный спор России и Китая 60-х годов XX в.) могут приносить свою пользу – не надо доводить непонимание друг друга до такой стадии и такой степени.

При обсуждении вопроса – «как будут взаимодействовать сильный Китай и сильная Россия в перспективе развития партнерских отношений?» – китайские коллеги в беседе со мной заявили, что Китай хочет видеть Россию сильным государством и готов и в дальнейшем с ней

сотрудничать¹. Ими был поставлен встречный вопрос – «а вот Россия хочет видеть рядом с собой сильный Китай?» Как известно, отношение к этой проблеме среди российских политологов далеко не однозначное.

По мнению китайских коллег, многие политики и политологи в России понимают стратегическое партнерство России и Китая так, чтобы в Китае мыслили, говорили и писали, используя те же формулировки в оценке тех или иных международных проблем, которые используются в российской пропаганде. «Но это немыслимо!» – повторяли они. На международной арене, на уровне лидеров, уверяли меня, Китай все время поддерживает Россию, проявляет понимание. Но не всегда открыто. Открытость в этом плане может вызвать даже скандал в Китае и дискредитировать китайских лидеров («опять-де пляшут под дудку Москвы!»). «Китай не должен буквально повторять российские слова», – говорили мне.

В ходе командировки я лишний раз убедился, насколько китайцы дорожат чувством самостоятельности, автономности, самодостаточности, почувствовал их чрезмерно развитую реактивность на любую попытку ущемить их национальное достоинство и самостоятельность. Не исключено, что с этим связана сегодня оценка рядом китайских политологов договора СССР–КНР 1950 г. как неравноправного. Впрочем, с такой оценкой согласны далеко не все китайские историки и политологи. «Однако не надо устраивать истерик по поводу тех или иных оценок, – повторяли мне китайские коллеги. – Надо уяснить логику партнера и спокойно выяснять позиции сторон».

Внимательно изучая ситуацию в России, китайские политики хотят извлечь уроки, связанные с распадом СССР, чтобы заблаговременно, учитывая многонациональный характер государства и отдельные сепаратистские настроения в Синьцзяне и Тибете, принимать меры предосторожности. Об этом мне говорил в Шанхае крупный китайский политолог Пан Давэй: «В России нашелся-таки человек (В. Путин), который понял, что в 1991 г. в стране (СССР) произошла национальная катастрофа (развал СССР)».

В настоящее время восточное направление внешней политики приобрело для России самостоятельное значение. В плане партнерства, естественно, и у России, и у Китая есть своя большая стратегия, но главное сегодня – обе наши страны сталкиваются с одинаковыми вызовами и одинаковыми рисками. Даже многие внутренние проблемы у нас почти одни и те же: разрыв в доходах, неравномерность социально-экономического развития, коррупция и т.п. Наше соседство обеспечивает взаимное дополнение ресурсов и усилий. Россия выступает как стратегический тыл Китая при решении его региональных проблем в Юго-Восточной и Южной Азии и в АТР в целом. Это понимают и ценят в Китае. Сегодня, судя по всему, мир двинулся в сторону многополярности в значительной степени совместными усилиями РФ и КНР, которые могли бы составить основу нового многополярного миропорядка.

Объективно сегодня Китай находится в центре Азиатско-Тихоокеанской геополитики. Он будет стремиться к тому, чтобы интеграция в Восточной Азии складывалась вокруг него. Но для России также важно понять, с чем она войдет в Восточно-Азиатское сообщество (об этом мне говорили Чэнь Чжихуа, Ли Фэнлинь и другие китайские политологи и историки).

В поисках своего места в АТР Россия стремится усилить свое экономическое присутствие в регионе, прежде всего в субрегионе Северо-Восточной части. Значение Северо-Восточной Азии для России связано с огромным ресурсным потенциалом ее российской части, который может стать генератором экономического продвижения России в этот регион. Прорывом в этом направлении стало заключение энергетического союза между Россией и Китаем в марте 2006 г. (речь идет о строительстве грандиозных веток газо- и нефтепроводов из Восточной и Западной Сибири в Китай). В данном случае мы имеем пример, когда решение задач двусторонней заинтересованности получает резонанс и на геополитическом уровне. Китай имеет возможность решать свои энергетические проблемы. Россия, в свою очередь, выстраивая своего рода энергетический мост через Китай в АТР, получает реальный шанс более равномерно распределить свои транзитные и потребительские риски и сдвинуть с места развитие своих сибирских и дальневосточных районов.

Какие проблемы мешают, тормозят сегодня развитие стратегического партнерства и взаимодействия РФ и КНР? Одна из важнейших – определенный (если не сказать – серьезный) дисбаланс между политическим и торгово-экономическим взаимодействием («горячая политика, но холодная экономика»). Торговля РФ–КНР в 2007 г. достигнет 40 млрд. долл., к 2010 г. ее объем может подняться до 60–80 млрд. долл. Но этот же товарооборот Китай имеет с Республикой Корея! К тому же во второй половине 2007 г. наше положительное сальдо в торговле с Китаем свелось к нулю. Китай для нас – второй (после Германии) партнер по объему товарооборота, а Россия для Китая – восьмой. К тому же существует очень острая проблема криминализации наших экономических связей (особенно на Дальнем Востоке). Часть китайского экспорта в Россию фактически оказывается контрабандой (до 2 млрд. долл. ежегодно – «серая» растаможка).

России следовало бы увеличивать поставки в Китай товаров с высокой добавленной стоимостью (пока торгуем нефтью, химическими удобрениями, лесом-кругляком), переходить к высокотехнологичному научному обмену, активизировать инвестиционное сотрудничество, развивать банковскую инфраструктуру. Пока же экономики России и Китая практически не соприкасаются на мировом рынке – мы не конкурируем друг с другом (кроме металла). Правда, некоторые политологи уже сегодня начали задумываться над перспективой, когда политический задел российско-китайского партнерства будет насыщаться экономической парадигмой.

Существует и проблема геоэкономического тяготения. России очень нужна китайская рабочая сила, но у нас многие боятся, что китайские рабочие осядут на наших территориях, создадут анклав и может возникнуть вопрос типа косовского в Сербии. Известно, что нам, россиянам, присущ свой порог восприятия приезжих из-за границы чужаков и определенные опасения на их счет. Естественна необходимость упорядочения притока китайской рабочей силы на контрактных основах, например, для строительства российских дорог. А строить скоростные шоссе и железнодорожные магистрали китайцы научились отменно!

Есть и проблема культурного дисбаланса, подпитывающего представление о «китайской угрозе». Ведь знания россиян о Китае или китайцев о

России чрезвычайно ограничены. Необходим более широкий общественный и культурный обмен информацией и людьми, а это задача не одного поколения. К сожалению, и сегодня продолжают играть негативную роль некоторые публикации в СМИ – как в российских, так и в китайских. В Китае, например, публикуются карты территорий китайских империй, заходящих в нашу Сибирь и на наш Дальний Восток, издаются книги о «российско-китайской войне» (о событиях на о. Даманский), на самом о. Даманский создан музей «боевой славы» и т.д.

Наконец, существует проблема дефицита доверия и недостатка взаимопонимания. По мнению китайских коллег, характер этого недоверия и непонимания многообразен, как многообразно как российское, так и китайское общество. Безусловно, здесь сказываются трудности культурной адаптации, языковые, психологические и иные барьеры. Нашим народам необходимо преодолевать инерционный негативный менталитет в восприятии друг друга. К сожалению, конфликтная среда 60–70-х годов XX века пока не ушла из памяти поколений: стереотипы массового сознания меняются не так быстро, как политическая ситуация. Необходимо увеличивать масштабы нашего общения, развивать туризм, студенческий и научный обмен и т.д.

Естественно, стратегическое партнерство РФ и КНР следует рассматривать сквозь призму долгосрочных национальных интересов обеих стран. Для каждой из сторон необходимо внятное понимание проблемы – что есть Китай для России и что есть Россия для Китая, какое место мы будем занимать во внутренней и внешней политике друг друга. Несмотря на наш российский проевропейски отлаженный вековой историей менталитет (а может быть, и вопреки ему), который упорно тянет нас к Европе, нам нужно понять место и роль Китая в стратегической перспективе нашего исторического развития. Для России настало время самоопределения.

Одним словом, российско-китайское партнерство требует новых горизонтов. Конечно, у России есть соблазн – сделать ставку на свое ресурсное богатство и на растущую зависимость Китая от ее энерго- и иных ресурсов. Но зависимость всегда порождает некомфортное состояние души и скрытую тягу к сопротивлению. Основой стратегии нашего партнерства должно стать стремление наших народов к лучшей жизни, возможность взаимодействия, совместной деятельности россиян и китайцев в достижении этой непростой цели.

Примечание

¹ «В России появился сильный импульс нового подъема. Вскоре она может снова стать сильной, но не самой могущественной державой в мире. Ее развитие сдерживают многие факторы. В целом это мирное возвышение благоприятно для Китая и для мира в целом. Россия и Китай тесно связаны и должны поддерживать друг друга в своем развитии и подъеме» (*Ван Хайюнь*. Новый подъем России и реакция мира // Изучение России, Центральной Азии и Восточной Европы. 2007, № 1, с. 95 [на кит. яз.]).